

РУССКИЙ
ГУЛЛИВЕР

Владимир
АЛЕЙНИКОВ



Поднимись на крыльцо

Владимир Дмитриевич Алейников

Поднимись на крыльцо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27050893

*Поднимись на крыльцо:
ISBN 978-5-91627-036-5*

Аннотация

Владимир Дмитриевич Алейников. Родился в 1946 году. Поэт, писатель, переводчик, художник. Окончил искусствоведческое отделение истфака МГУ. Работал в экспедициях, в школе, в газете. Основатель и лидер легендарного содружества СМОГ. С 1965 года публиковался на Западе. Более четверти века тексты широко распространялись в самиздате. В восьмидесятых переводил поэзию народов СССР. Издаваться на родине стал в период перестройки. Автор многих книг стихов и прозы – воспоминаний о былой эпохе и своих современниках. Лауреат премии Андрея Белого. Член ПЕН-клуба. С 1991 года живёт в Москве и Коктебеле.

Содержание

«Восприятья ли смято лицо...»	10
«К золотым ведёт островам...»	12
«Средиземной горечи блажь...»	14
«И столькое было давно по плечу...»	16
«Пристрастный плещется родник...»	18
«Насколько чувством спаяны взаимным...»	20
«Точно в дымке, ветвями качают...»	22
«Как отодвинутый засов...»	23
«Вновь оторвут от бумаг...»	25
«Ни дождь, ни изморось, – ответ...»	27
«Вот они, звёзды у самой воды...»	29
«Помедли – не спеши произносить...»	31
«Ну что же он тревожен по ночам...»	32
«Ну что за чувство в этих снах...»	34
«Чтоб к ночи повесть узнавать...»	36
«Птахой единственной в небе пустом...»	38
«Воспоминание томит меня опять...»	40
«Ну что за взгляд! – скажи мне, что с тобой...»	42
«Ну кто их просил расставаться...»	44
«Предчувствием осени в тайне...»	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Владимир Алейников

Поднимись на крыльцо



Владимир Дмитриевич Алейников. Родился в 1946 году.

Поэт, писатель, переводчик, художник. Окончил искусствоведческое отделение истфака МГУ. Работал в экспедициях, в школе, в газете. Основатель и лидер легендарного сообщества СМОГ. С 1965 года публиковался на Западе. Более четверти века тексты широко распространялись в самиздате. В восьмидесятых переводил поэзию народов СССР. Издаваться на родине стал в период перестройки. Автор многих книг стихов и прозы – воспоминаний о былой эпохе и своих современниках. Лауреат премии Андрея Белого. Член ПЕН-клуба. С 1991 года живёт в Москве и Коктебеле.

«Несвоевременность (не путать с несовременностью!) – признак большого поэта. Поэтому его – либо убить, либо замолчать. Как-нибудь сделать вид, что его нету. Это вполне биологическая функция общества. То есть происходит автоматически, без зазрения совести. Причина этого проста: мы не хотим отражаться в реальности и не хотим помнить. Сатиру мы любим, потому что в ней легко смеяться не над собой. Поэзию мы не любим точно так, как не любим природу и детей: слишком ответственно. Нам некогда. Некогда чувствовать, некогда помнить. Нам неудобно за самих себя, и тогда мы делаем вид, что нам скучно.

Владимир Алейников – великий русский поэт, более сорока пяти лет неустанно паиущий на ниве отечественного слова. Слава мира запечатлена в его стихах с такой силой, что нам легче всего отказать ему в той славе, которую раздаём сами, – в мирской.

Несуетность – признак большой работы. Её тоже удобно не замечать, чтобы не сравнивать со своей.

Пришла пора издать В. Алейникова так, чтобы всякий взявший книгу в руки заподозрил, кто это. Я вижу том, в жанре «Библиотеки поэта», с предисловием, раскрывающим масштаб и уникальность его творчества, с академическим комментарием, изданный не как сумма текстов, а как единая большая книга, представляющая собою художественную ценность сама по себе. Эта книга должна попасть по адресу – в руки подлинного читателя.

Алейников – это не человек, не тело, не член общества – это облако. Облако поэзии. Надо поймать его в переплёт.

Я счёл бы для себя честью написать о нём для этой книги. Я бы постарался исполнить это на уровне, достойном его поэзии.

Андрей БИТОВ

Было бы очень важно издать Владимира Алейникова – самого значительного из нас всех.

Я не знаю, что нужно сделать, чтобы опубликовать всё, что сделал Владимир Алейников. Он просто титан, я всегда тихо восхищаюсь, глядя на его вдохновенность, на то, как он работает не взирая на обстоятельства и окружение. Наверное, при жизни всё издать не удастся. Боюсь, что нужно умереть. Хотя бы на какое-то время. Или получить Гонкуровскую премию. О Нобелевской – не будем: она для политических игроков. Этим мы ведь никогда, слава Богу, не

грешили.

Выглядят и читаются книги Владимира Алейникова чудесно. Действительно, манеру свою он изменил, стал писать прозрачнее, точнее, но сколько во всём этом силы, ярости. Какое отменное зелье! В сих строках – ясно его различаю и радуюсь вдохновенности его. Говоря без всяких слюней и прикрас, всё его, всё наше мне по-прежнему ценно и близко. Считаю, что Владимир Алейников самый из нашей плеяды подлинный, глубокий и молодой.

Саша СОКОЛОВ

Владимир Алейников был центральной фигурой среди смогистов потому, что именно Алейникову более всех удалось воплотить изначальный пафос новой эстетики, больше других в ней самоопределиться.

Именно Алейников более всех своих товарищей зависим, «неотрываем» от своего времени (что, кстати говоря, делает ему честь).

Отличительной чертой смогистов и, в частности, Алейникова является великая вера в таинство поэзии, во всеисильность её собственной, не поддающейся осмыслению, жизни. Гармония знает больше, чем тот, кто реализует её – вот несформулированный, но основополагающий тезис поэтической традиции, главным выразителем которой стал Алейников.

Поэзия Алейникова потому так стремится к бескрайнему звучанию, потому не ставит себе предела, что, в суще-

стве своём, заключает тайну единовременности всего сущего.

Владимир Алейников, вне всякого сомнения, самый одарённый поэт своей плеяды, а может быть, изначально, один из самых одарённых поэтов своего времени.

Когда рассеялся дым сиюминутных впечатлений, выяснилось, что уже в наше время Владимир Алейников пресуществил в своём творчестве весь тот, казалось бы вполне свободный от его влияния, культурный феномен, который связан в нашем представлении с тем, что собственно называлось СМОГОм.

Александр ВЕЛИЧАНСКИЙ

Поэтика Владимира Алейникова – не в малых частностях и дремлющем эвклидовом пространстве, одномерном доэништейновском времени. Лицевые события века для поэта наполнены его собственным присутствием – это смятенный и встревоженный мир, где поколениями обжитая почва коробится и вздыхает от неслыханных потрясений, где воображаемое и действительное, обгоняя друг друга, смешиваются так, что одно невозможно отделить от другого. Это пронзительный документ времени, где терпкие шестидесятые годы, ночные разговоры на кухне за чаем и вином восстановили «слово», стёршееся профанной речью тоталитарного газетного монолога. «Слово» Алейникова, полное смыслов, перекрёсток, где встречаются Пушкин, Аполлинер, Мандельштам и Хлебников, чувствительная мембра-

на, которое не только фиксирует, но и рождает, зыбкое и трепетное, выходящее за свои собственные пределы, вобравшее в себя запахи полыни крымских степей, шелест переделкинского леса, щемящие мелодии украинских песен и прозрачные серенады Моцарта в стенах московской консерватории – где красота вечного и мимолётного сливаются и каждая частица пережитого не отходит в прошлое, но становится живой точкой бесконечной вселенной.

Виталий ПАЦЮКОВ

«Восприятья ли смято лицо...»

Восприятья ли смято лицо,
Лихолетья ли скрыта личина,
Благодатью ли стала кручина —
Поднимись на крыльцо,

Поднимись на крыльцо и взгляни
В эту глубь роковую,
Где бредут вкруговую
Все, кто сны населяли и дни,

Все, кто пели когда-то о том,
Что свеча не сгорала,
Все, кто жили как в гуще аврала
С огоньком и гуртом,

Все, кто были когда-то людьми,
Но легендами стали,
Чтоб сквозь век прорастали
Их слова, – всех, как есть, их прими,

Всех, как есть, их пойми,
Несуразных, прекрасных,
Ясный свет для потомков пристрастных
Из ладоней их молча возьми.

«К золотым ведёт островам...»

К золотым ведёт островам
Свет неожиданный луны в апреле —
Ближе к тайне, к заветной цели,
К этим выдышанным словам.

Наполняет желанный гул
Сонмы раковин – и в пустотах
Стынет эхо, звеня в высотах,
Если каждый давно уснул.

Может, жемчуг в ладони мал,
Может, водорослями вьётся
Чьё-то прошлое, – как споётся
Тем, чьим песням простор внимал?

Тем, чьи судьбы разброд ломал,
Бред корёжил, тоска крутила,
Стали отзывом лишь светила.
Смолы, скалы, солёный вал.

Смели попросту быть собой,
Смыли кровь, заживили раны, —
То-то плещет светло и странно
Морем вылущенный прибой.

Стали близкими тем, кого
Не доищешься в этой шире,
В небе пристальном этом, в мире,
Продлевающем душ родство.

«Средиземной горечи блажь...»

Средиземной горечи блажь,
Роскошь южная, брешь в стене,
За которой встаёт мираж,
Чтобы родственным быть вполне.

Желоба, хоботки мостков,
Сырь и ржавь, рукава канав,
За которыми брег таков,
Что не бросит, впотьмах слиняв.

Где-то сваи гурьбой свело
Чувство стадное – там причал
Смотрит в воду – и так светло,
Что об этом петух кричал.

Кто-то любит, упрям и сед,
Одиночество и покой,
На песке оставляя след,
Чтобы тронуть его рукой.

Что-то в дымке растёт, само
По себе, – черноморский вал
Тянет что-нибудь, как письмо,
О котором давно знавал.

Киммерийской нежности весть
Бриз крепчающий донесёт —
И подумаешь: так и есть!
Снова ранит – и вдруг спасёт.

«И столькое было давно по плечу...»

И столькое было давно по плечу,
Что равного днешь и не знаю —
Но я разбираться во всём не хочу,
А просто грущу, вспоминая.

Круги разойдутся по вешней воде,
До осени там доставая,
Где даже в отзывчивой вроне среде
Гнездится пора грозовая.

Ладони открой этим ливням ночным,
Прибрежным валам неуёмным,
Замашкам дикарским и просьбам ручным,
Затерянным в мире огромном.

Не только события в горсти собери,
Но – суть их, вселенские связи,
Сплетенья наитий, – и всех примири,
Чтоб в каждой аукались фразе.

Не зря ты когда-то шагнул в эту смоль,
В алмазное это кипенье —
И чуют грядущее снова изволь,

Чтоб стало блаженнее пень.

«Пристрастный плещется родник...»

Пристрастный плещется родник,
Никем не виданный доселе, —
И ты растерянно приник
Не просто к бездне – но купели.

Над морем, рея в высоте,
Горит костёр необычайный,
Чтоб в каждой грезились черте
Всё то, что впрямь считалось тайной.

Нисходит свет на всех, кто встарь
Томились цветом или звуком,
Проникшим в изморозь и хмарь,
Дохнувшим Бахом или Глюком.

И что там осторонь за грань
Топазом в пальцах ювелира
Блеснёт, чтоб вдруг разбиться всклянь
Об эту оторопь клавира?

Ты улыбнёшься: нелегко
Не отпустить, тебе во благо,
Туда, где дышит глубоко

Сомнамбулическая тяга.

Из гипнотической тоски
Рванись – авось и отзовёшься
Тому, чьи образы близки,
Которых больше не коснёшься.

Как ни казни себя – пойми:
Луны никто не одолеет,
Она витает над людьми —
И с нею чудо уцелеет.

Покуда ночь к тебе добра,
Покуда сыро в мире этом,
Бреди до самого утра
Туда, где встретишься со светом.

«Насколько чувством спаяны взаимным...»

Насколько чувством спаяны взаимным
Бываем мы, настолько же порой
Друг друга мы чуждаемся, – открой
Глаза на мир, – не в нём ли полднем зимним
Встречались мы? – когда-нибудь потом
Припомнится нам лёгкое скольженье
По льду и снегу, – жди преображенья,
Развеивайся в инее густом,
Распластывайся по ветру, лети
В разъятое пространство голубое,
Безумица, – и лучше прихвати
Кого-нибудь для верности с собою,
Кого-нибудь, – и брось его впотьмах,
Чтоб стало вдруг легко и одиноко, —
И дальше рвись, угадывая взмах,
Ниспосланный и принятый до срока,
Пусть – вызовом, пусть – зовом он бывал, —
Уже непредсказуемы, пожалуй,
Последствия, – и в тяге небывалой
Предчувствие растёт, – наворковал,
Наверно, голубь что-нибудь такое,
Накаркал ворон, – вспенится тоскою
Существованье, – с мукою мирскою

Столкнётся на берег обрушившийся вал.

«Точно в дымке, ветвями качают...»

Точно в дымке, ветвями качают
По округе деревья в апреле,
Расцветают – и в небе встречают
Всех, чьи свечи в сердцах догорели.

Воскресения сызнова чая,
Плещет море и ластится к свету,
Чтобы жить нам потом, не скучая,
Чтобы разом опомниться к лету.

Предпасхальный и послепасхальный
Дни смыкаются аркою стройной,
Чтобы смысл воспринять эпохальный
Или замысел славить пристойный.

То-то ветру-подранку непросто,
Пробиваясь сквозь трели и взгляды,
Быть свидетелем общего роста,
Становления духа и лада.

«Как отодвинутый засов...»

Как отодвинутый засов,
Остаток холода немеет,
Низин затронуть не посмеет,
Чтоб новый лад звучал с низов.

Синеют очерки вершин,
Холмов уклоны зеленеют —
И тон постигнуть не умеют,
Кроящий день на свой аршин.

Избыток замыслов при нём,
Но тени стынут на закате —
Ума пустующей палате
Покой когда-нибудь вернём.

Не называй меня своим —
Я сам не знаю, что со мною —
Мы все как будто за стеною,
Хоть взглядов больше не таим.

Не называй меня чужим —
Скажи мне: что за наважденье —
Корней и крон предубежденья,
Недавний помнящих режим?

Не говори, что нет причин
Для боли, вышедшей из бездны,
Которой слишком уж известны
Скорбей истоки и кручин.

«Вновь оторвут от бумаг...»

Вновь оторвут от бумаг
Ветер с дождём, холодящим
Взгляды в пустынных домах,
Скомканных днём предстоящим.

Пусть они впрямь не с руки,
Горечь в летах оставляя —
Всё-таки слишком близки,
Лучшего и не желаю.

Пусть это сгустки тоски,
Поиски детские ласки,
Встряски былой коготки,
Происки фраз без опаски.

Пусть это просто урок
Всем, кто отмечены ими,
Всюду влача, как оброк,
Сны с чудесами хмельными.

Нам ли пиры задавать
Всем, кто с усталостью вместе
Людям смогли даровать
Повесть о долге и чести?

Но для того и живу
Здесь, в киммерийском гнездовье,
Чтоб распознать наяву
Свет, неразлучный с любовью.

«Ни дождь, ни изморось, – ответ...»

Ни дождь, ни изморось, – ответ
В просвете солнечном таится
И обнаруживать запрет
На всё, что мучит, не боится.

Пылится в небе серебро
И рой струится лепестковый,
Чтоб обволакивать нутро
Округи сонно-бестолковой.

Что гнёт безверия тяжёл,
Знавали мы по дням бездомным —
Он сам в мизерию вошёл,
Хотя и кажется огромным.

А нынче, пристань обрета,
Никак с утра мы не отыщем
Всё то, что выразим шутя
И вместе с птицами просвищем.

Полузакрытые глаза
Ещё дремотнее, чем прежде, —
И так же чтимы образа

В Господней вере и надежде.

Вода подступит – и уйдёт
Куда-то в хляби и провалы,
С собою страхи уведёт,
И боли как и не бывало.

Что целый век играть с огнём,
Что властью тешиться лежалой —
Не всё равно ли? – повернём
Туда, где встретимся, пожалуй.

Покуда в хаосе встаёт
Ещё неясное сиянье,
В природе всяк распознаёт
Сердцебиенье и слиянье.

«Вот они, звёзды у самой воды...»

Вот они, звёзды у самой воды
В бухте с венцом аметистовым, —
Слёзы ли все ты стряхнул с бороды
В мире немом и неистовом?

По ветру нынче смотри не развей
Время, давно уж прощённое,
Чтобы в биении страшных кровей
Новь проступала смущённая.

Вот почему никуда не уйду —
В вашем быту не до крика вам, —
Некуда спрятаться – всё на виду
В этом раю сердоликовом.

Нечего шастать в сердцах по местам,
В прошлом тобою исхоженным, —
То-то свирель прикипает к устам,
Сказанным чем-то встревоженным.

Нет никого, кто бы понял теперь
Всё это, – может, и страшно вам,
Сослепу тычась в открытую дверь,
В сумраке щуриться яшмовом.

«Помедли – не спеши произносить...»

Помедли – не спеши произносить
Слова неизъяснимого итога —
Ещё весна дана тебе от Бога,
Чтоб никого в дороге не просить
О чём-нибудь, нигде и никогда,
Ни от кого на свете не зависеть,
Но этот мир приветить и возвысить,
В котором плещет понизу вода,
В котором звёзды поверху горят
Всеми и всем, – с надеждою на чудо
Живи и жди – и здесь ты, и повсюду,
Покуда годы вдруг да воспарят.

«Ну что же он тревожен по ночам...»

Ну что же он тревожен по ночам,
Кромешный май, возникший ниоткуда,
Из непогоды некоей, покуда
Каштановым не вырасти свечам,
Сиреновой не вызвездиться мгле
На улицах, пахучею, хмельною
Не выплеснуться пенною волною,
Тюльпанам не стоять навеселе,
Пресыщенным прозрачною росой,
Акациям не высветлиться пряным,
Окрестным травам с мёдом и дурманом
Не выситься, чтоб даже под косой
С достоинством таинственным степным
Не пасть, упрямясь, россыпью на землю,
Но, головы цветущие подъемля,
Презреть напасть, – покуда смоляным
Не вытянуться нитям из глубин,
Скрываемым до времени, до срока,
Покуда в небе, тающем высоко,
Звезды не вспыхнет рдеющий рубин,
Покуда нам, живущим, не прозреть,
Чтоб встрепнуться, мир воспринимая,
Хребтом и кожей сызнава внимая

Всему, что есть, чтоб слушать и смотреть,
Дышать и петь, в единстве дорогом
Со всеми быть, кто рядом, во вселенной,
Мгновенья жизни славят неразменной, —
Негоже мне и думать о другом.

«Ну что за чувство в ЭТИХ снах...»

Ну что за чувство в этих снах,
Упрямо к сердцу пробиваясь,
Грустит о прежних временах,
Таясь – и всё-таки сбываясь?

Оно маячит на виду,
К земным протянуто щедротам,
И повторяется в бреду
Вон там, за первым поворотом.

Не с ним ли вместе наобум
Блуждаем странными кругами,
Не избавляемся от дум
И расстаёмся с берегами?

Слоистый вечера агат
К луне мгновенно привыкает —
И словно призрачный фрегат,
Виденье ночи возникает.

И в небесах без потолков
Мерцает путаница лета,
Не обходясь без пустяков,
Когда от лампы мало света.

Комар-мизгирь да нетопырь
Мелькнут, с фантомами не споря, —
И запах, цвета поводырь,
Иных приводит прямо к морю.

Оно настигнет – и назад
Шатнётся лавою сплошною,
Оно распластывает сад
И примиряет с тишиною.

Оно вольётся в этот лад,
Проникнет в поры и пустоты —
И видеть сызна ты рад
К нему приникшие высоты.

«Чтоб к ночи повесть узнавать...»

Чтоб к ночи повесть узнавать
О том, что с нами было,
Начнёт в потёмках прибывать
Неведомая сила,
По жилам пламя расплеснёт,
Останется в сознание, —
И каждый исподволь вернёт
Своё воспоминание.

Тому, кто жил наоборот,
Не надо объяснения,
Что странный этот приворот —
Пример долготерпения,
Что новый этот поворот
Блуждания вслепую
Сулит лишь камень в огород
На почву не скупую.

Для тех, кто живы наперёд,
Кто вырвались и встали
Среди прозрений и щедрот,
Чью горечь испытали,
Чью радость с честью пронесли
По тропам и дорогам,

Единство неба и земли
Доступней перед Богом.

Чтоб эту связь и эту близь
Нам выразить когда-то,
Свечами столькими зажглись
Оплаканные даты,
Звездами ясными во тьме
Обласканы чудесно, —
А то, что сбудется к зиме,
Доподлинно известно.

«Птахой единственной в небе пустом...»

Птахой единственной в небе пустом,
Чтобы вон там, впереди, за мостом,
С грустью смотреть на вздыхающих —
Ах, по кому же? – прохожих чудных,
Юность мелькнула – ну что ей до них,
Воздух горстями хватающих!

Нить расставанья тиха и легка —
Держит её золотая рука
Вечером, сызнова тающим, —
Чтоб не рвалась беспокойная связь,
Лица, в которые кротость вплелась,
Обращены к улетающим.

«Здравствуй!» – «Ну, здравствуй!» – Пощады не жди,
Меж берегами черту проведи,
Выйди навстречу грядущему, —
Нет никого, кто бы понял, пойми,
Как нелегко мне теперь меж людьми
Скрытничать, отклика ждущему.

Некуда спрятаться – весь на виду —
Так вот, небось, и в легенду войду,

В перечень, вами же созданный,
Тех, кто для речи был к жертвам готов, —
Ах, на земле ещё вдосталь цветов
С памятью, песням не розданной!

«Воспоминание ТОМИТ МЕНЯ ОПЯТЬ...»

Воспоминание томит меня опять,
Иглою в поры проникает,
Хребта касается, – и сколько можно спать? —
Душа к покою привыкает,
К жемчужной свежести, рассветной, дождевой,
А всё же вроде бы – что делать! – не на месте,
Не там, где следует, – и ветер гулевой
Ко мне врывается – и спутывает вести,
С разгону вяжет влажные узлы
Событий давешних, запутывает нити,
Сквозит по комнате – и в тёмные углы
С избытком придури и прыти
Разрозненные клочья прежних дней
От глаз подальше судорожно прячет, —
И как понять, кому они нужней,
И что же всё же это значит? —
И вот, юродствуя, уходит от меня, —
И утро смотрится порукой круговую,
Тая видения и в отсветах огня
Венец признания подняв над головою, —
И что-то вроде бы струится за окном —
Не то растраченные попусту мгновенья,
Не то мерцание в тумане слюдяном

Полузабытого забвенья,
Не то вода проточная с горы,
Ещё лепечущая что-то о вершине,
Уже несущая ненужные дары, —
И нет минувшего в помине,
И нет возможности вернуться мне туда,
Где жил я в сумраке бездомном,
Покуда разные сменялись города
В чередовании огромном,
Безумном, обморочном, призрачном, хмельном,
Неудержимом и желанном,
Чтоб ныне думать мне в пристанище земном
О чём-то горестном и странном.

«Ну что за взгляд! – скажи мне, что с тобой...»

Ну что за взгляд! – скажи мне, что с тобой
И что за трепет вдруг ты ощутила
В тот час, как бы ниспосланный судьбой,
Когда заря полнеба охватила?

И всё вокруг, любовью воспылав
К тому, что есть на свете этом грустном,
Всей гущею, от листьев и до трав,
В порыве просияло безыскусном.

И дерево, что было вдалеке
От корня до вершины обозримо,
С цветком браталось, поднятым в руке,
Одним лишь нам так искренне даримо.

Верни мне эту вещую печаль,
Музыкою звенящую давнишней,
Чтоб этот сад оставить было жаль,
Где я стоял меж яблоней и вишней.

Верни мне жизнь – такую, как давно
Мечталась и мерещилась однажды,
Где так же возрождаться суждено

И так и не избавиться от жажды.

В дожде найди клубок немалых мук,
Дай ревность мне почувствовать и радость —
Такую, чтоб, испытывая звук,
Сквозь горечь проступить сумела сладость.

«Ну кто их просил расставаться...»

Ну кто их просил расставаться?
Они не поймут никогда,
Зачем никому признаваться
Не хочет морская вода
Ни в том, что от взглядов таила,
Ни в том, что открыла иным,
Ни в том, что потом расслоила,
Солёным смутив и хмельным.

Ну что бы им впрямь не соваться
Туда – и не знать бы тогда,
Зачем на виду красоваться
Не любит ночная звезда,
Зачем на ветру небывалом
Сутулится тополь вдали,
Измученный грузом немалым
Преданий и сказок земли.

Ну что бы их снам не сбываться
В рассветном прибрежном дыму,
Где в прошлом зазря тусоваться
Ещё не пришлось никому,
Где швы многолетние спайки
Видны – и близки навсегда

Кузнечики, ласточки, чайки,
Сверчки – а потом холода.

«Предчувствием осени в тайне...»

Предчувствием осени в тайне
Какой-нибудь, – может быть, всем,
Что, небом туманясь, бескрайне
Извечно, незнамо зачем,
Присутствием осени в песне,
В песке на морском берегу

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.